

Сергей ВОЛКОВ

НАД МЕСТНЫМ АХЕРОНТОМ

* * *

Нарисуй мне грустное, весеннее,
Той стране березовой под стать,
Что поет и плачется Есенину,
Век бы мне которой не видеть.
Где хотелось счастья — только веточку,
А густые рощи не нужны.
Сделай мне, художник, брюки в клеточку —
Чехова любимые штаны.
Напиши с меня, коль больше не с кого,
Мокрый снег на тающем плаще.
«Стушевался» — слово Достоевского;
Самое любимое вообще.

* * *

Помещается в луже осенней
Мой, наверное, полный портрет.
Посижу на скамейке под сенью
Черных дней и безоблачных лет.

Одному научился — быть проще
И подальше уже от морей
Все кружу вечерами по роще
На цепи у своих якорей.

Жаль, что поздно слова отыскались,
От которых отречься не жаль.
Тополя на ветру расплескались,
Гаснут звезды, и тонет печаль.

Без очков уже вижу пределы,
И ладонь козырьком не держа...
Но бушуют дубы-корабелы
И у сосен — морская душа.

* * *

Принять, отойдя за помойку,
Спиною гараж поддержав,
И чистой осины настойку,
И слезы твои на рукав.

Вороны, сплошные вороны.
А все ж и они хороши
И вписаны в черные кроны,
Как осень в рисунок души.

С тобой до вечернего света,
До снега, последнего дня...
Но как расплатиться за это?
И что еще есть у меня?

* * *

Мысли надвигаются, как тучи,
А хочу, чтоб были облака:
Как твои приветствия, летучи,
Как твои беспечные «Пока!»,
Чтоб опять глаза твои сказали
То, во что поверить не могу,
Как тогда, на Ладожском вокзале,
Как потом — на невском берегу,
Как тогда, в маршрутах, снятых с линий,
В их огнях, в метели голубой,
Как потом — в ночной метели синей,
Вечно заматавшей нас с тобой.

* * *

Броненосец в русском флоте был такой: «Не тронь меня».
Ты, быть может, в том же роде, и на вид крепка броня,
Что тобой была надета, и в которой ты одна,
А мои названья все-то — миноносцев имена:

Я кружу с тобой по морю — «Бесподобный», «Типовой»,
Все чего-то семафору над лазурной синевой,
И туман взрезаю встречный, и волну винтом крою,
«Озабоченный», «Беспечный», да в кильватерном строю.

И на «Робком», и на «Гордом» я завесу ставлю, дым,
Чтоб идти твоим эскортом, охранением твоим,
И растает он во мраке, навсегда «Пропавший» мой,
И проступит на бумаге синим следом за кормой.

* * *

Тот, на кого тебя оставляю,
Пусть вино мое допьет —
За ту графу, где прочерк ставлю,
И ту, где птичка промелькнет.

Как намокали рукавички,
И сохли слезы у берез,
И всё свистели электрички,
И вся — огонь, и вся — мороз!

Чернеют цифры на билете —
Постой, верни, останови, —
Ведь я любил, хоть все на свете
Преградой было для любви.

* * *

Как была на кухне водка
И стоял извечный дым,
Как жила в стене проводка
С алюминием своим

На Чайковского в квартире —
Пепел, рюмка, бутерброд.
И затеяли мы в мире
Совершить переворот.

Потому что все пропало,
Да и Родина ушла, —
Пачка пятая «Опала»,
Пыль надежды со стола.

Нас бы, брат, за это дело
И за прочие дела...
Но бумага все стерпела.
И посуда не сдала.

* * *

Голые, зеленые ли кроны,
Черные иль белые ветра —
Над двором поспорятся вороны
Отчего-то ровно в пять утра.

А потом, расставшись с горизонтом,
Коротая в небе краткий век,
В шесть часов над местным Ахеронтом
Чайка закричит как человек.

Слышишь — над кормушкой снова, снова
Воробьи чирикают гурьбой...
Лишь твое совсем исчезнет слово,
Как и то, что скажут над тобой.

